

УДК 930+910.3

ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX В.

© 2021 О.Б. Леонтьева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 25.08.2021

Формирование образа Волги в русской культуре пореформенного периода было связано с поисками сценария национальной идентичности: ценностей, образов, «мест памяти», которые могли сплотить нацию, создать ощущение живой связи времен и пространств. Свой вклад в решение этой задачи вносили не только литература и искусство, но также историческая и географическая науки: труды ученых предназначались для широкого круга читателей, характеризовались образностью изложения; представителей обеих научных дисциплин интересовала значимость пространства для человека. В научном дискурсе доминировал образ Волги и Поволжья как колонизируемого пространства, изначально «чужого», которое постепенно становится «своим». Труды историков и географов сыграли важную роль в становлении «волжского текста» русской культуры, сохранившего свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: образы пространства, историческая география, Волга, Поволжье, колонизация, национальная идентичность.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-34-42

Едва ли найдется в России другая река, которая окружена таким ореолом сакральности, как Волга. Еще в начале XX в. над истоком Волги в Тверской губернии стояла маленькая деревянная часовня с образом Спасителя¹. Часовня была сожжена немецкими оккупантами в годы Великой Отечественной войны, но затем восстановлена; в конце советской эпохи рядом с ней был поставлен памятный камень с надписью: «Путник! Обрати взор свой на Волги исток! Здесь зарождается чистота и величие земли русской. Здесь истоки души народной. Храни их. Камень сей заложен 22 июня 1989 года живущим и будущим детям России. Оглянись уходя»². Волга воспринимается как символ России, русской души, русского характера и часто наделяется именем «матушка».

Однако каким бы вечным и неизменным ни казался образ Волги в русской культуре, географические образы, как и любые

другие, непостоянны по своей природе. Основоположник российской гуманитарной географии Д.Н. Замятин подчеркивает, что образы пространства в культуре всегда аккумулируют в себе человеческий опыт, социальную практику; «посредством географических образов культура позволяет членам социокультурных общностей обживать, осваивать окружающий мир, занимаемые ими территории не только в плане физической адаптации..., но и в экзистенциальном, феноменологическом плане»³. Поэтому образы пространства изменяются вместе с породившей их культурой, приобретают с ходом времени новые оттенки или изменяют свое смысловое наполнение; реконструкция логики этих перемен может дать ключ к пониманию хода развития культуры.

В настоящей статье ставится цель исследовать образ Волги, сложившийся в русской культуре второй половины XIX - начала XX в. Для страны, где недавно было отменено крепостное право и которая быстро шла по пути модернизации, важной

*Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории.
E-mail: oleontieva@yandex.ru*

задачей был поиск сценария национальной идентичности – таких ценностей, образов, «мест памяти», которые могли бы сплотить нацию, создать ощущение живой связи времен и пространств. Свой вклад в решение этой задачи вносили литература, искусство, публицистика, а также науки – прежде всего историческая и географическая, поскольку именно они закладывают в сознание людей определенные представления об «общем прошлом» и «общем пространстве». Научные труды в тот период зачастую выполняли просветительскую миссию и предназначались не только для узкого круга коллег, но и для «любопытного читателя»; их текстам были присущи образность, метафоричность, запоминающиеся характеристики.

Образ Волги в русской пореформенной культуре многогранен, зачастую амбивалентен. Камертон звучанию волжской темы в искусстве задал Н.А. Некрасов, в поэзии которого Волга предстает и «колыбелью», любимым привольным краем – и «рекою рабства и тоски» («Волга! Волга!.. Весной многоводной / Ты не так заливаешь поля, / Как великою скорбью народной / Переполнилась наша земля...»⁴). Лирические образы Волги нашли визуальное воплощение в полотнах Ф.А. Васильева и И.И. Левитана, тема угнетенной силы русского народа – в «Бурлаках на Волге» И.Е. Репина. Бунташное, разбойничье прошлое Волги отразилось в исторической живописи, песнях и романах; первый художественный фильм, снятый в начале XX века в России, «Понизовая вольница», был посвящен Степану Разину. Образы пореформенного Поволжья – купеческого, быстро богатеющего – запечатлены в драматургии А.Н. Островского, в прозе П.И. Мельникова-Печерского, А.М. Горького. В научном же дискурсе того времени доминировал образ Волги и Поволжья как колонизируемого пространства.

Оптика видения русской истории в науке второй половины XIX в. была задана С.М. Соловьевым, сформулировавшим знаменитое: «История России есть история

страны, которая колонизируется»⁵. В многогранной «Истории России с древнейших времен», характеризуя значение природы страны для ее истории, он связал коренной поворот русской истории XIII-XIV вв. с перемещением центра государственности из одного речного бассейна в другой: «Как скоро историческая жизнь отливает на восток, в области верхней Волги, то связь с Европою, с Западом, необходимо ослабевает и порывается не вследствие мнимого влияния татарского ига, а вследствие могущественных природных влияний: куда течет Волга, главная река новой государственной области, туда, следовательно на восток, обращено все»⁶. Концепцию Соловьева развил его ученик В.О. Ключевский, считавший колонизацию страны «основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»⁷. Ход колонизации, по мнению Ключевского, во многом определяли реки: «центр государственной территории определился верховьями рек, окружность – их устьями, дальнейшее расселение – направлением речных бассейнов»⁸. Подход к русской истории как к истории колонизации унаследовало и следующее поколение историков: М.К. Любавский, П.Н. Милюков, С.Ф. Платонов и другие; это дало импульс формированию новой научной дисциплины – исторической географии.

Историческая и географическая науки в пореформенной России сближались друг с другом благодаря тому, что представителей обеих научных дисциплин интересовала значимость того или иного пространства для человека, взаимодействие человека и окружающей среды. Вопрос о значении рек в истории со сходных позиций разрабатывали географ Л.И. Мечников и историк В.О. Ключевский. Л.И. Мечников в труде «Цивилизация и великие исторические реки» доказывал, что реки служат «двигательной силой» культурно-исторического развития, «чернорабочими культуры»: «река-кормилица внушает населению солидарность и стремление объединять

свои силы», «присуждает каждого члена общества к исполнению части общественной работы, полезность которой познается впоследствии»⁹. В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» писал, что русская река – «неизменная соседка» и кормилица русского человека, удобная летняя и зимняя дорога, указатель пути при переселении – «приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности... воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества»¹⁰. Этот общий подход определил направление историко-географического изучения Волги и прилегающего к ней региона – Поволжья.

Так, профессор Казанского, а затем Московского университета С.В. Ешевский трактовал историю заселения Северо-Восточного края Европейской России – земель по Верхней Волге и Каме – как важную страницу истории русского народа, становления его современного облика и национального характера. Излагая ход колонизации русскими переселенцами Верхне-Волжского края с XII по XVIII в., С.В. Ешевский последовательно проводил несколько концептуально-идеологических мотивов: он трактовал колонизацию как победу европейской цивилизации (носителями которой в крае являлись русские) над Востоком; подчеркивал вольный, стихийный характер колонизации края, что свидетельствовало, по мнению ученого, о предприимчивости и энергии русских крестьян-колонистов; наконец, акцентировал внимание на этнографических аспектах колонизации – смешении славянских переселенцев с местным «финским» (в современной терминологии – финно-угорским) населением. Ученый указывал, что «русское племя», вбивавшее в себя по ходу колонизации самые разнообразные этнические «элементы», представляет собой «следствие соединения различных народностей», в чем и заключается залог его исторической силы¹¹.

Истории колонизации Среднего и Нижнего Поволжья была посвящена двухтомная работа ученика С.М. Соловьева, Г.И. Перетятковича¹² – первый фундаментальный труд по данной проблеме, многие выводы и положения которого не устарели и в наши дни. Волга представала у Перетятковича как место исторической встречи Европы и Азии: издавна по ней шли «сношения между азиатским востоком и северо-западною Европою», а в низовьях Волги, через «Великие ворота» между Уральским хребтом и Каспийским морем, «проходила большая часть племен из Азии, колыбели народов, в Европу», что сделало Поволжье местом смешения разнообразных народов и заставляло самые разные государства стремиться к господству на волжских берегах¹³. Значительное внимание Перетяткович уделил географической характеристике Волги, подчеркивая, что особенности течения реки, строения ее берегов, природные условия территорий, по которым она протекает, сыграли ключевую роль в истории Поволжья. Медленное течение и отсутствие порогов делают Волгу удобным судоходным путем; разнообразие природных условий «стран», где пролегает ее русло (бедные глинисто-песчаные почвы Верхней Волги, «богатая черноземная страна» между реками Камой и Самарой, «песчаные и негостеприимные степи» ниже по течению), определило сравнительную привлекательность этих земель для переселенцев; наконец, контраст между правым (возвышенным и утесистым, «горным») и левым (низменным, «луговым») берегом обусловил разные исторические судьбы двух берегов: горную сторону легче было заселять, застраивать и защищать под прикрытием укреплений¹⁴.

Русская колонизация Поволжья на страницах труда Перетятковича трактовалась как естественная и стихийная по своему характеру. Он доказывал, что заселение Поволжья славянскими «племенами» началось еще в долетописные времена; движение русского народа в Поволжье было «прервано и надолго остановлено татарским наше-

ствием», но возобновилось в XV-XVI вв. – а значит, веками продолжавшееся движение не зависело ни от «произвола власти», ни от «особенностей характера той или другой из действовавших личностей»¹⁵. Стремясь закрепиться на берегах Волги, Московская власть «подчинялась тем же мотивам, которые жили в это время и в отдельных личностях»; стремления государства совпадали с движением народа на плодородные средне-волжские земли, «удобные для земледелия, скотоводства и торговли»¹⁶. Колонизацию Перетяткович рассматривал как много-этапный процесс: завоевание Казанского и Астраханского царств в середине XVI в., подчеркивал историк, стало его кульминацией, но далеко не последним этапом. За покорением Поволжья следовало его «умиротворение» (подавление восстаний местного населения, борьба с «воровскими шайками»); заселение – строительство укреплений и поселений, распашка земель, переход местного населения к оседлости; наконец, «водворение здесь русской культуры» – миссионерская и просветительская деятельность, результатом которой в перспективе, по мнению ученого, должно стать «обрусение» местного населения. Многовековая колонизация Поволжья, по мнению Перетятковича, была далека от завершения даже ко времени написания его труда.

Главным деятелем, ключевой фигурой колонизационного процесса для Перетятковича был русский крестьянин. История колонизации Поволжья, с его точки зрения, свидетельствовала «о культурных способностях славян вообще и русского народа в частности» – «о смелости русского человека при заселении пустынной страны, подвергавшейся беспрестанным нападениям кочевников, о способности его найтись при новых и незнакомых ему условиях жизни», о его «энергии и предприимчивости»¹⁷. Решающую роль в освоении волжского края, по мнению исследователя, сыграла крестьянская община: она проявляла «энергию и самостоятельность» в деле окультуривания земли, принимала и поддерживала новых

поселенцев, да и само переселение на новые места, как правило, совершалось не в одиночку, а «в сообществе с земляками и односельцами»¹⁸. Наконец, заселение новых земель облегчала «мягкость славян и совершенное отсутствие у этих последних нетерпимости к другим племенам»: Перетяткович подчеркивал, что в распашке волжских земель вместе с русскими участвовали чуваша и мордва, а жителями новых селений под защитой укрепленных «черт» могли стать люди самого разного происхождения – служилые татары, «литвины», «немчины» и другие¹⁹. В целом исторические симпатии Перетятковича принадлежали «людям труда и порядка», «трудолюбивым земледельцам и предприимчивым промышленникам»²⁰; напротив, с явным осуждением он писал о понизовой казачьей вольнице – как о «людях, которые были не прочь пожить на счет трудового населения, пользуясь и зажиточностью предприимчивого купца, и скромным достатком трудящегося земледельца»²¹.

Здесь прослеживается полемика автора с видными историками и писателями пореформенного периода – Н.И. Костомаровым и Д.Л. Мордовцевым, чьи труды обычно относят к демократическому направлению российской историографии. Обращаясь к сюжетам из истории Понизового (в современной терминологии – Среднего и Нижнего) Поволжья, они прежде всего интересовались судьбой вольного казачества, которое столь часто становилось горячим материалом для народных восстаний и из-за которого «спокойно не проходило Волгою ни одно судно»²². Оба историка акцентировали внимание на социальной природе разбоев и восстаний как «результата ненормального состояния всего тогдашнего... государственного строя», закономерного ответа населения на «тягости, налагаемые правительством» и «произвол всякого рода начальствующих и обирающих народ лиц»²³. Оба указывали, что вольное казачество на Волге, как и в других местах, сложилось за счет беглых, которые не смогли «до-

лее выносить своего тяжкого положения» и стремились найти «обетованную землю, где труд не тяжок и не неблагоприятен, где человеку живется легко и свободно»²⁴. Костомаров особо подчеркивал, что «понизовой вольнице» удалось – пускай ненадолго – создать альтернативный социальный порядок, «при котором не было ни тягла, ни обременительных поборов, ни ненавистных воевод и дьяков, где все считались равными, где власти были выборные»; это и обеспечивало восстаниям быстрый успех на первых этапах – для посадских людей, мужиков, черни и бедноты «казацкая вольность представлялась... самым желанным образцом общественного строя»²⁵.

Именно поэтому, как доказывали Костомаров и Мордовцев, «казаки-разбойники» оставили на волжских берегах столь прочный след в исторической памяти, «много песен, которые и теперь не забываются народом»²⁶: «Их деяния воспевались в песнях; к ним относятся разнообразные предания; их образ в народном воображении сохраняется с марами (курганами) и городищами, усевающими приволжские степи... Народ сочувствовал удалым молодцам, хотя часто терпел от них; самые поэтические великорусские песни – те, где воспеваются их подвиги»²⁷. Образ исторического прошлого Волги на страницах произведений Костомарова и Мордовцева был связан с народными представлениями о «вольной воле»; Волга представляла как арена столкновений самодержавного государства с «вольницей», а современное историкам Поволжье – как территория «протестной памяти».

Если историки в своих трудах создавали выразительные образы географического пространства, то работы географов, в свою очередь, зачастую содержали информацию по историческому прошлому тех или иных регионов и были насыщены реминисценциями исторических трудов. Яркий пример тому – многотомное иллюстрированное издание «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей», вы-

шедшее на рубеже XIX-XX вв. под руководством вице-председателя Императорского Русского Географического общества (ИРГО) П.П. Семенова-Тян-Шанского и председателя Отделения этнографии ИРГО академика В.П. Ламанского. Подготовка этого издания стала продолжением других масштабных проектов, осуществленных Семеновым-Тян-Шанским под эгидой ИРГО: в 1860-1880-е гг. под его руководством вышел в свет пятитомный «Географическо-статистический словарь Российской империи», а в 1880-е гг. – 12-томное иллюстрированное издание «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном и бытовом значении».

В предисловии к первому тому «Полного географического описания нашего Отечества» редактор В.П. Семенов (сын и продолжатель дела П.П. Семенова-Тян-Шанского) так объяснял задачи труда: свести географические сведения, «разбросанные в малодоступных изданиях», «в одну общую картину»; подготовить о каждой «части России» книгу, которая была бы «строго научной» и в то же время «общедоступно изложенной и недорогой», и тем самым дать возможность «любопытным людям» «познакомиться с той или другой частью России не по одним только сухим данным учебника или путеводителя, а по более живому изложению, помогающему легче вдуматься в современное состояние и культурное значение того или другого уголка в общей массе нашего государства»²⁸. Каждый том содержал информацию о природе региона, его населении (с обязательным разделом «Исторические судьбы области») и о «замечательных местах и местностях». Географические, этнографические и исторические сведения сплетались воедино, чтобы создать в восприятии читателя запоминающиеся образы регионов империи.

Информация о Волге и Поволжье в «Полном географическом описании нашего Отечества» была представлена в двух томах: томе первом «Московская промышленная область и Верхнее Поволжье» (здесь, в част-

ности, рассматривались Тверская, Ярославская, Костромская и Нижегородская губернии), и томе шестом «Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье», посвященном Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской губерниям. Образы этих обширных регионов контрастировали друг с другом. Верхнее Поволжье вместе с Московской промышленной областью характеризовалось как «сердце России», Среднее и Нижнее Поволжье – как колонизируемая территория (и при этом – как «пример самой блестящей и прочной из русских колонизаций»); Верхнее Поволжье – как быстро развивающийся промышленный регион, Среднее и Нижнее – как край земледельческий и промысловый (главным промыслом был, конечно, рыболовный)²⁹. Указывалось, что в Верхнем Поволжье доминирует великорусская народность, а Среднее и Нижнее Поволжье представляет «такую пеструю этнографическую смесь, какую едва ли можно встретить в какой-либо другой области Европейской России»³⁰.

Характеристики столь разных регионов связывал воедино образ Волги – «главной водной артерии края», «великого транспортного пути, ключа всей восточной торговли»³¹. В исторических очерках, включенных в издание, подчеркивалось, что именно обладание Волгой превратило Московское государство в могущественную державу³². Значение Волги для внутренней и внешней торговли, как показывали авторы, еще более возросло со строительством железных дорог, когда к крупным торгово-промышленным пунктам, «нанизавшимся как бусы на нити по течению Волги», подошли с запада «железные пути», и Волга стала играть роль «громадного товарного собирателя для упирающихся в нее ветвей русской железнодорожной сети»³³.

Центральной темой исторических очерков о Верхнем, Среднем и Нижнем Поволжье в «Полном географическом описании нашего Отечества» была история колонизации и связанная с ней проблема исторического становления русской (в терминологии того

времени – великорусской) народности³⁴. В трактовке этих тем заметно влияние исторических трудов Соловьева и Ключевского, Ешевского и Перетятковича, Костомарова и Мордовцева. Верхнее Поволжье характеризовалось как территория, где в результате смешения пришлого славянского и коренного «финского» населения выработался «стойкий даровитый тип московского великорусса» («Если справедливо, что развитие многосторонних способностей в людях сильно содействует смешению различных племенных стихий, то это как нельзя лучше оправдывается на примере Московской области»)³⁵. Освоение Среднего и Нижнего Поволжья описывалось как долгий поэтапный процесс, включавший в себя «покорение», «умиротворение», «колонизацию», «просвещение и обрусение» края и продолжающийся на момент написания книги³⁶. Подчеркивалось, что в ходе этого процесса облик «великорусского племени» претерпел дальнейшие изменения в силу «этнографического смешения» с местным тюркским и финно-угорским населением; кроме того, в Среднем и Нижнем Поволжье наблюдался «разновременный наплыв переселенцев из разных частей России», причем значительную часть переселенцев составляли рискованные «гулящие люди» – «беглые, не помнящие родства, воровские казаки и понизовая вольница, а также сектанты разного толка» и раскольники. В результате, как считали авторы, в крае, «среди широкого раздолья своеобразно-дикой и богатой природы» (особенно в Заволжье, на левом, более опасном и медленно заселявшемся берегу) сложился особый тип «приволжского великоруса», несколько отличающийся от обитателей «более коренных великорусских областей» – «отважное, смышленное и полное жизни население», в котором «было более сильных характеров, духовных потребностей и колонизаторских способностей»³⁷.

Как можно заключить, во второй половине XIX – начале XX в. историческая и географическая науки сближались друг с другом в стремлении выработать общий подход

к изучению прошлого и настоящего России и ее отдельных регионов. Просветительский характер исторических и историко-географических трудов, образность стиля, живое эмоциональное отношение к «действующим лицам» исторического процесса свидетельствуют, что усилия ученых были направлены не только на решение научных задач, но и на формирование коллективной идентичности своей аудитории: память о прошлом родного края должна была органично сочетаться с представлениями о его месте в судьбе русского народа, с ощущением общности имперского пространства.

Представление о Волге в научном дискурсе пореформенного периода было связано прежде всего с образом пути, движения, соединения противоположностей: маршрута, по которому шла колонизация новых пространств; рубежа, который надо было пересечь, отправляясь с обжитого и защищенного правого берега на малозаселенный и опасный левый; места встречи и смешения славянских, финно-угорских и тюркских народов; наконец, «Великих ворот» между Европой и Азией.

История пространства в научных трудах того периода была неразрывно связана с историей людей. Поволжье представало в научных трудах как изначально «чужая» территория, которая лишь с ходом времени, в результате долгого процесса колонизации становится для русского народа «своей». Создавая выразительные образы-типажи «поволжан» – трудолюбивых земледельцев, предприимчивых промышленников, «понизовой вольницы» – ученые подчеркивали, что колонизация Поволжья изменяла не только облик этого края, но и самого русского человека, формируя такие его качества, как энергия, «самодеятельность», предприимчивость. С точки зрения историков и географов, политическое господство на Волге заложило основы могущества России, а колонизация волжских пространств сформировала особый национальный тип русского человека, сложившийся в ходе взаимодействия со многими народами.

Формирование образа Волги в культуре пореформенного периода, на наш взгляд, – пример того, как научные исследования удачно находили свое место в общественно-политическом пространстве и путь к сознанию широкой аудитории. Труды историков и географов второй половины XIX – начала XX в. сыграли видную роль в становлении «волжского текста» русской культуры; на страницах научных исследований получили продолжение и развитие формировавшиеся в художественной культуре образы «бунташного» или купечески-предпринимательского Поволжья, а метафорическое представление о Волге как олицетворении судьбы русского народа приобрело научную убедительность. В народных песнях Волгу называли «матушкой»; в научных трудах аргументированно объясняли, чем она заслужила такое название.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Для русских людей / Под ред. В.П. Семенова. Т. 1: Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. СПб.: Изд-е А.Ф. Девриена, 1899. С. 5.
- ² Ольгинский женский монастырь на истоке Волги. Официальный сайт. Режим доступа: http://olginmonastery.ru/o_monastyire/hramyi_chasovni_pamyatniki.html (дата обращения: 20.08.2021).
- ³ Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 16.
- ⁴ Некрасов Н.А. Размышления у парадного подъезда // Некрасов Н.А. Полн. собр. сочинений и писем в 15 т. Т. 2: Стихотворения 1855-1866 гг. Л.: Наука, 1981. С. 49.
- ⁵ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. Т. 3-4. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1988. С. 631.
- ⁶ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII. Т. 13-

14. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991. С. 24.
- ⁷ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1993. С. 20.
- ⁸ Ключевский В.О. Русская история... Кн.1. С. 50, 52.
- ⁹ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ. СПб.: Изд-е редакции журнала «Жизнь», 1898. С. 95, 99-100, 118, 176.
- ¹⁰ Ключевский В.О. Русская история... Кн. 1. С. 55-56.
- ¹¹ Ешевский С.В. Русская колонизация Северо-Восточного края // Вестник Европы. 1866. № 1. С. 216-218.
- ¹² Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М.: Типогр. Грачева И.В., 1877. 331 с.; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Г.Ульриха), 1882. iii, 399, ii с.
- ¹³ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 25, 27.
- ¹⁴ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 2-23.
- ¹⁵ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 56-57, 232.
- ¹⁶ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 323-324, 327.
- ¹⁷ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 327; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. i-ii, 114.
- ¹⁸ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 52; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 2-3, 40-41, 52, 138.
- ¹⁹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 58; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 105.
- ²⁰ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. С. 326; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 26, 33.
- ²¹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 29.
- ²² Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 2. СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1867. С. 15.
- ²³ Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 1. СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1867. С. 99; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 400.
- ²⁴ Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 1. С. 130; Т. 2. С. 2.
- ²⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3 т. Т. 2. С. 401.
- ²⁶ Мордовцев Д.Л. Самозванцы и понизовая вольница. Т. 2. С. 8-9.
- ²⁷ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. М.: Чарли, 1994. С. 335.
- ²⁸ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. V-VI.
- ²⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. ix, 164; Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб.: Изд-е А.Ф. Девриена, 1901. С. iii, 202, 231.
- ³⁰ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. 94; Т. 6. С. 152-153.
- ³¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. 187, 193; Т.6. С. 124.
- ³² Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 1. С. 77.
- ³³ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. iv, 292.
- ³⁴ Очерк об исторических судьбах Московской промышленной области и Верхнего Поволжья был подготовлен А.А. Достоевским и С.А. Адриановым, о Среднем и Нижнем Поволжье – И.Н. Сырневым.
- ³⁵ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т.1. С. ix, 74, 98.
- ³⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 124-125.
- ³⁷ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 6. С. 153-157, 184-185.

**THE VOLGA WAY IN THE SCHOLARLY DISCOURSE
OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

© 2021 O.B. Leontyeva

Samara National Research University named after academician S.P. Korolyov

The formation of the image of the Volga in Russian culture in the second half of the 19th – early 20th centuries was associated with the search for a scenario of national identity: such values, images, and “places of memory” that could unite the nation and create a sense of a living connection between times and spaces. Along with literature and art, the historical and geographical sciences contributed to the solution of this problem: scholarly works were designed for a wide range of readers and were characterized by imagery of presentation; historians and geographers were interested in the importance of different territories for humans. The image of the Volga region as a colonized space that was once “alien” but gradually becomes “ours” dominated the scholarly discourse. The works of historians and geographers played an important role in the formation of the “Volga text” in Russian culture, which remains relevant to the present day.

Keywords: images of territories, historical geography, Volga, Volga region, colonization, national identity

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-34-42